

A collection of tools and accessories including a flashlight, keys, a pen, and gloves. The flashlight is illuminated, casting a warm glow. The keys are of various shapes and sizes, some with intricate designs. The pen is a classic fountain pen with a dark barrel and a gold-colored tip. The gloves are white and appear to be made of a smooth material like leather or cotton. The background is a solid blue color.

Эрнест У. Хорнунг

ВОР В НОЧИ

*Новые рассказы
о Раффлсе*

Эрнест Уильям Хорнунг

Вор в ночи. Новые рассказы о Раффлсе

Серия «Раффлс, вор-джентльмен», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56597590

Аннотация

Эрнест Уильям Хорнунг (1866–1921) – английский писатель, автор серии произведений о Раффлсе – взломщике-любителе времён викторианской Англии. Эти рассказы принесли писателю общенациональную известность.

Чем привлекает Раффлс? Он джентльмен, человек с принципами. Он хорош собой и в отличной спортивной форме – чемпион Англии по крикету. При этом он гениальный мошенник, с блеском проворачивающий аферы настолько тонкие и сложные, что у читателя захватывает дух. Раффлс не применяет насилия, не отнимает у жертвы последнее, его противоправные деяния – на грани высокого искусства. Готовя и совершая преступления, он превыше всего ценит красоту их замысла и виртуозность воплощения.

«Вор в ночи» (1905) – третий сборник рассказов Хорнунга о Раффлсе. Автор оставлял его одного и в открытом море, и под канонадой англо-бурской войны. Тем не менее, герой снова с нами, и с ним его верный помощник Банни – джентльмен, неудавшийся журналист, ставший на скользкий путь преступлений и ведущий повествование об их совместных похождениях. В этой книге описываются события, происходившие до финала второго сборника рассказов. И здесь раскрывается противоречивая натура Раффлса, лавирующего на грани между соблюдением принципов чести и страстью к воровству. Совмещение того и другого представляется невозможным, но... Подробности узнаете, прочитав книгу.

Содержание

Из рая	5
Сундук серебра	33
Отдых	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Э. У. Хорнунг

Вор в ночи

Из рая

Для того чтобы рассказать вам еще больше о Раффлсе, мне придется вспомнить наши былые дни и заполнить все недостающие пробелы в той летописи, которую я веду.

Постепенно описывая его жизнь, раскрывая тем самым правду за моими недомолвками, я наконец смогу поведать о том, кем же являлся Раффлс на самом деле. Сейчас вся правда не сможет причинить ему никакого вреда. Я решил ничего не утаивать. Раффлс был злодеем, и из моих рассказов вы поймете это. Нет никакого проку скрывать этот факт. До сих пор я избегал говорить о многих отвратительных эпизодах. Я вновь и вновь сосредоточивался на его лучших качествах.

И я вновь могу допустить подобную оплошность, ослепленный даже сейчас галантным блеском моего злодея, который превратил его в моих глазах в настоящего героя. Но, по крайней мере, я больше не стану ничего скрывать от вас и с этих пор больше не буду хранить молчание. И начну я с дня, когда Раффлс по-настоящему ранил меня.

Я подбираю слова с заботой и болью, оставаясь все еще преданным своему другу и все же чувствуя горечь от тех мар-

товских дней, когда я поддался его искушению и слепо последовал за ним, переступив черту закона. Тот день был ужасен. Но он был ничто по сравнению с тем предательством, которое Раффлс совершил по отношению ко мне спустя всего несколько недель после этого. Второе преступление в глазах общества было куда менее серьезным, и я бы мог опубликовать эту историю еще несколько лет назад, если бы не определенные обстоятельства. Мое молчание исходило из личных причин. Дело не только в том, что оно дискредитировало Раффлса, но и в том, что оно было связано с близким мне человеком. Этот человек, который будет фигурировать в рассказе, мне дороже, чем сам Раффлс, и я решил, что не очерню его имя упоминанием в рассказе о наших преступлениях.

Бедняжке достаточно и того, что она была обручена со мной до событий того безумного мартовского дня.

Все, кто знал нас, говорили о «взаимопонимании», при этом недовольно хмурия брови. Но их мнение не влияло на нас. Мы лишь склоняли голову, но никогда не меняли своих решений. Между нами все было хорошо, но я был недостойн ее. Вы и сами придете к такому выводу, когда я скажу, что проиграл сбережения в баккара и обратился за помощью к Раффлсу. Даже после этого я иногда видел ее. Я всем видом показывал, что нечист душой и не хочу, чтобы она поделила со мной мои грехи; в конце концов я принял решение написать ей и разорвать нашу помолвку. Ах, как же хо-

рошо я помню эту неделю! Это было завершение удивительного майского турнира для поклонников крикета, с тех пор мы никогда не видели ничего подобного, но я был слишком опечален, чтобы следить за итогами матчей в газетах. Раффлс был единственным человеком, который мог в то время получить калитку, но я ни разу не видел его игру. Против Йоркшира, однако, он смог набрать сенчури, что и привело Раффлса ко мне по пути домой в Олбани.

– Мы должны отобедать и отпраздновать столь редкое событие, – сказал он. – Сенчури бывает раз в жизни. И ты, Банни, явно нуждаешься в хорошем напитке. Как насчет «Кафе Рояль» в восемь? Я приду чуть пораньше, чтобы заказать столик и вино.

В «Кафе Рояль» я невозмутимо поведал ему о своем несчастье. Тогда он впервые услышал о моей помолвке, и, после того как взамен опустошенной бутылки нам принесли не менее изысканное вино, я рассказал ему все. Раффлс молча слушал меня. Я был благодарен за тактичность и сочувствие, которое он выражал всем своим видом. Он сказал, что был бы рад, если бы я поделился с ним раньше, но даже без этого согласился с тем, что я верно поступил, разорвав помолвку и честно прекратив общение. У моей музы не было своих денег, а я не мог их честно заработать. Я объяснил Раффлсу, что она сирота и большую часть времени проводит с аристократкой-тетей за пределами Лондона, а остальную часть живет у помпезного и деспотичного брата тети – поли-

тика в Пэлес-Гарденс. Тетя, по моему мнению, была снисходительна ко мне, в то время как ее знаменитый брат возненавидел меня с первого взгляда.

– Гектор Каррутерс! – пробормотал Раффлс, повторяя ненавистное мне имя, и устремил ясный и холодный взор на меня. – Полагаю, ты не часто его видишь?

– Давно его не видел, – ответил я. – Я два или три дня гостил у него в прошлом году, но с тех пор они ни разу не приглашали меня, и их никогда не было дома, когда я приходил. Старик, кажется, неплохо разбирается в людях.

И я горько рассмеялся, опустив голову.

– Неплохой у них дом? – спросил Раффлс, взглянув в свое отражение на серебряном портсигаре.

– Отличный, – сказал я. – Ты же знаешь дома в Пэлес-Гарденс, не так ли?

– Не так хорошо, как хотел бы узнать их, Банни.

– Что ж, у него лучший дом среди них. Старик богат, как Крез. Сам дом огромен, такие нынче строят только в сельской местности.

– А как насчет оконных креплений? – небрежно спросил Раффлс.

Я отпрянул от открытого портсигара, который он протянул мне, пока говорил.

Наши взгляды встретились, в его глазах было то дерзкое мерцание, яркости которого позавидовал бы сам дьявол и которое привело меня к гибели два месяца назад. Казалось,

что это влияние будет длиться так долго, как только он захочет. Но на этот раз я не поддался, впервые я смог твердо выдержать его взгляд и отвернуться. Раффлсу не было нужды описывать свой замысел. Мне хватило лишь взгляда на его нетерпеливую улыбку, чтобы понять, что он задумал. В решительном порыве я отодвинул свой стул.

– Ни за что! – вскричал я. – Дом, в котором я обедал, дом, в котором я видел ее... дом, в котором она живет месяц в году! Даже не высказывай свои мысли, Раффлс, иначе я немедленно покину это место.

– Но нам же еще даже не принесли кофе и ликер, – сказал Раффлс, смеясь. – Сперва попробуй «Салливан». Это по-настоящему королевская марка сигар. А теперь позволь мне заметить, что твои сомнения сделали бы тебе честь, если бы старик Каррутерс все еще проживал в том доме.

– Ты имеешь в виду, что он теперь живет где-то еще?

Раффлс зажег спичку и протянул ее мне.

– Я хочу сказать, мой дорогой Банни, что в Пэлес-Гарденс больше не звучит его имя. Ты начал свой рассказ с того, что ничего не слышал о своих знакомых уже больше года. Этого достаточно, чтобы понять, почему ты пришел к неверному выводу. Я думал лишь о доме, в то время как ты думал лишь о людях, в нем живущих.

– Но кто они, Раффлс? Кто живет в доме, если старики Каррутерсы переехали, и почему ты решил, что в доме все еще есть что-то ценное?

– Отвечаю на твой первый вопрос: в доме живет лорд Лохмабен, – сказал Раффлс, отправляя кольца дыма к потолку. – Ты выглядишь так, будто никогда о нем не слышал. Но поскольку крикет и скачки – единственная часть газеты, которую ты читаешь, наверное, не нужно удивляться тому, что ты не отслеживаешь появления новых пэров. Второй вопрос не стоит ответа. Как ты думаешь, почему я обладаю такой информацией? Это моя профессиональная деятельность, я обязан знать все, что мне может пригодиться. По правде, у леди Лохмабен такие же великолепные бриллианты, как и у миссис Каррутерс, и есть вероятность, что она хранит их в том же месте, где хранила их миссис Каррутерс. Я был бы признателен, если бы ты поделился со мной этой информацией.

Я действительно знал, где хранились ценности, поскольку узнал от племянницы мистера Каррутерса о тайнике, которым гордился старик. Он был фанатиком, даже изучил мастерство взломщиков, дабы учесть все уловки. Я вспомнил, что окна на первом этаже всегда были тщательно заперты, а двери всех комнат, выходящих в зал, оснащены дополнительными замками Йеля, которые при всем при этом еще и расположены на невероятной высоте и их невозможно заметить невооруженным взглядом. Это была обязанность дворецкого – пройти по дому и собрать все ключи с замков перед отходом ко сну. Но ключ от сейфа в кабинете всегда хранился у хозяина дома. Этот сейф, в свою очередь, был

настолько гениально сокрыт от посторонних глаз, что я бы не смог обнаружить его без посторонней помощи. Я хорошо помню, как та, которая мне его показала (в своей невинности), засмеялась, поведав, что даже ее мелкие безделушки торжественно запираются там на ночь. Сейф был в стене и скрывался за книжным шкафом, надежно сохраняя варварское великолепие драгоценностей миссис Каррутерс. Без сомнения, эти Лохмабены использовали бы его с той же целью. И узнав, что обстоятельства изменились, я легко поделился с Раффлсом тем, что знаю. Я даже нарисовал ему простой план первого этажа на обратной стороне меню.

– Невероятно, что ты даже заметил, какие замки на дверях изнутри, – заметил он, убрав план в карман. – Полагаю, ты не увидел, есть ли «Йель» на входной двери?

– Его там нет, – ответил я довольно быстро. – Я уверен в этом, потому что когда-то у меня в руках был ключ... Когда мы вместе пошли в театр.

– Спасибо, друг мой, – растроганно пробормотал Раффлс. – Это все, что мне от тебя было нужно, кролик. Такой ночи, как сегодняшняя, больше не будет!

Он говорил так всегда, когда решал действовать. Я ошеломленно посмотрел на него. Мы еще не успели сполна насладиться нашими сигарами, а он уже показал официанту, чтобы тот принес счет. Я не стал возражать, пока мы не оказались на улице.

– Я пойду с тобой, – сказал я, взяв его под руку.

– Вздор, Банни!

– Почему это вздор? Я знаю каждый угол, и раз дом сменил владельца, у меня нет никаких угрызений совести. Кроме того, я уже пересек черту: единожды вор остается вором! И неважно, пенни или фунт!

Кровь бурлила у меня в венах. Но старый друг по какой-то причине не оценил моего энтузиазма. Мы пересекли Регент-стрит в полной тишине. Мне пришлось держать его за рукав, чтобы он не сбросил мою руку.

– Я действительно думаю, что тебе лучше не ходить со мной, – сказал Раффлс, когда мы достигли другой стороны улицы. – На этот раз ты мне не нужен.

– Но я полагал, что был довольно полезен до сих пор.

– Возможно, Банни, но я не хочу брать тебя с собой сегодня.

– Но я знаю это место, а ты нет! Вот что, я пойду с тобой и покажу, где находятся ценности, и мне даже не нужна доля.

Он часто дразнил меня так и добивался моего участия. Я хотел увидеть, как он уступит, но Раффлс лишь смеялся, тогда как я в таких ситуациях совершенно терял голову.

– Кролик! – он усмехнулся. – У тебя будет твоя доля, независимо от того, пойдешь ли ты со мной или нет. Но если говорить серьезно, разве ты не предполагаешь, что, оказавшись там, можешь вспомнить о девушке?

– Какой в этом прок? – застонал я. – Ты же согласился со мной, что мне нужно разорвать с ней отношения. Прежде

чем поделиться с тобой своей печалью, я уже написал ей в воскресенье и сообщил о расторжении помолвки. Уже среда и я не получил от нее ни строчки. Это ожидание сводит меня с ума.

– Ты написал в Пэлес-Гарденс?

– Нет, я отправил письмо в дом к ее тете. В любом случае, у нее было достаточно времени, чтобы написать ответ, где бы она ни находилась.

Мы добрались до Олбани и остановились у галереи Пиккадили, наши сигары мерцали красными огоньками.

– Не хочешь проверить, пришел ли ответ? – спросил Раффлс.

– Нет. Какой от этого прок? Я простился с ней, и ничего уже не исправить. Уже слишком поздно, я отпустил ее, и я пойду с тобой!

Рука, которая подала самый удивительный мяч в Англии, опустилась на мое плечо с удивительной быстротой.

– Хорошо, Банни! Решено! Но в случае неудачи не надейся на меня. Между тем у нас все еще горят сигары, и они заслуживают того, чтобы их неторопливо докурить, а затем мы выпьем крепкий чай – такой, который оценят только люди нашей профессии. А через какое-то время мы пойдем туда, Банни, старина, и я честно признаюсь, что очень рад, что ты пойдешь со мной.

У меня осталось яркое воспоминание о времени, которое мы провели в гостиной. Впервые я знал так много о том, что

нам предстояло увидеть. Я все время следил за часами, изредка посматривая на шкаф для графинов с вином, который Раффлс безжалостно отказался открыть. Он заметил, что это ожидание было похоже на то состояние, которое охватывало его перед каждой игрой. Я мало понимал правила игры, в которой он был мастером мирового уровня, и все, что я мог – это вздыхать, думая о предстоящем испытании. С другой стороны, я был в порядке, когда мы добрались до метафорической калитки, но половина неожиданностей, которые возникли у меня с Раффлсом, несомненно, подорвали мою уверенность.

Вскоре я уже жалел о том, что согласился участвовать в этом деле. И дело было не только в том, что меня одолевало отвращение при мысли о проникновении в дом, которое с каждой минутой только возрастало, но и в том, что мой вечерний энтузиазм почти испарился.

Отвращение захлестнуло меня вместе с чувством, что мы слишком скоропостижно решили приступить к чему-то настолько важному. Когда я признался в своих сомнениях Раффлсу – и я любил его в такие моменты больше всего, – он лишь спокойно подтвердил, что подобные чувства довольно естественны. Он заверил меня, что уже несколько месяцев держит в уме драгоценности леди Лохмабен. Он еще в первые ночи, когда его посетила эта мысль, решил, что из них стоит взять, а что оставить. Все, чего ему не хватало для полной картины, – это топографические подробности, которы-

ми я поделился с ним. Он поведал мне, что в его списке было множество похожих домов, но полноты картины у него не было. Я узнал, что на Бонд-стрит у Раффлса есть доверенный сообщник-ювелир, и он узнал еще больше от него о доме. И, наконец, сегодня ночь среды, когда усталый законодатель рано ложится спать.

Как бы я хотел, чтобы весь мир видел и слышал его в тот момент, как бы я хотел, чтобы вы почувствовали запах дыма его любимых «Салливан», когда он, покуривая сигару, начал раскрывать мне секреты своей незаконной профессии! Увидев или услышав его, вы бы никогда не догадались, чем он занимается. Прожив в этом мире много лет, я никогда не встречал воров, похожих на Раффлса. Его речь очень редко была испорчена ругательством и никогда на моей памяти – бранным словом. Он всегда выглядел как человек, который приглашен на званый вечер и одет подобающе, а не как тот, кто уже давно отужинал. Его вьющиеся волосы, хотя и довольно длинные, никогда не были неопрятны. Это были дни, когда они все еще были черны как смоль, а на его гладком лице не было и следа морщин. Его комната тогда была дорого меблирована, ее отличал непревзойденный вкус в интерьере и легкий беспорядок, резные дубовые книжный шкаф, комод, шифоньер и работы Уотса и Россети на стенах украшали ее.

Время подходило к часу ночи, когда мы вызвали двуколку и направились к нашим воротам в преисподнюю. Раффлс

очень осторожно сохранял дистанцию от особняка, наблюдая, как потенциальные свидетели уходят в перерывах между танцами из домов на Черч-Стрит через узкий проход в сторону Пэлес-Гарденс. Он знал об интересующем нас доме не меньше моего. Мы осмотрели его еще с улицы. Над входной дверью там горел тусклый свет, а еще было заметно свечение чуть ярче со стороны конюшни.

– Это не очень хорошо, – сказал Раффлс. – Дамы куда-то выезжали сегодня. Они могут все нам испортить! Они ложатся спать раньше других, но вот бессонница – это проклятие для прекрасного пола и для людей нашей профессии. Кого-то еще нет дома. Наверняка старший сын еще не в постели. Но он из тех красавцев, которые и вовсе могут не прийти домой.

– Еще один Алик Каррутерс, – пробормотал я, вспоминая того, кто мне был менее всего приятен из жителей дома.

– Они могут быть братьями, – ответил Раффлс, который знал всех в городе. – И все-таки я не уверен, что хочу, чтобы ты пошел со мной, Банни.

– Но почему?

– Если входная дверь заперта лишь на защелку, и ты окажешься прав насчет замка, я смогу войти так же легко, как если бы я и сам был старшим сыном в доме.

И он потряс связкой отмычек, которую носил на цепочке, как честные джентльмены носят свои ключи.

– Ты забыл о внутренних дверях и сейфе.

– Правда, ты мог бы быть мне полезен, но мне все еще не по душе вести тебя за собой, когда в твоём присутствии нет необходимости, Банни.

– Тогда позволь мне вести тебя, – ответил я и немедленно перешел через широкую пустынную дорогу с рядами великолепных домов, расположенными на больших участках с прекрасными садами. Моя походка была уверенной, и я будто всем своим видом говорил, что дом, к которому направляюсь, принадлежал мне.

Я думал, что Раффлс остался позади, потому что я ни разу не услышал его шаги, но он следовал за мной, как я смог убедиться, повернувшись к воротам.

– Я должен научить тебя, как правильно ступать, – прошептал он, покачав головой. – Тебе вообще не следует использовать пятку. Вот, можешь попробовать на траве. Ступай по ней, как если бы этот участок был деревянной доской! Гравий создает шум под ногами, а в цветниках остаются следы. Подожди, я должен провести тебя через это.

Это была дорожка у входа, засыпанная гравием, и в тусклом свете сверху виднелись следы от экипажей. Путь до двери угрожал раскрыть нас. Но Раффлс, со мной под руку, бесшумно и уверенно пересек опасную зону.

– Обувь легко можно поместить в карман – до чего удобные эти бальные туфли! – прошептал он у крыльца. Легкая связка отмычек слегка звякнула. Он чуть наклонился и попробовал пару из них прикосновением гуманного данти-

ста. Третья отмычка впустила нас в дом. И когда мы стояли вместе на коврике, а Раффлс очень медленно закрывал за нами дверь, часы в до боли знакомой мне манере пробили полвторого, что заставило меня схватить Раффлса за руку. Мои полчаса счастья испарились из-за знакомых курантов! В тусклом свете мое лицо приобрело дикое выражение. На глаза попались знакомые из прошлого держатель для шляп и дубовый пуфик. А в это время Раффлс улыбался мне в лицо и придерживал дверь, давая мне сбежать.

– Ты солгал! – тихо ахнул я.

– Ничего подобного, – ответил он. – Да, это мебель Гектора Каррутерса, но дом принадлежит лорду Лохмабену. Вот, посмотри!

Он наклонился и разгладил выброшенный конверт из-под телеграммы. «Лорд Лохмабен», – прочитал я выведенное карандашом имя при тусклом свете. Тогда мне стало все понятно. Мои друзья оставили свой дом, и Раффлсу нужно было объяснить все более понятно еще до того, как мы сюда пришли.

– Хорошо, – сказал я, – закрой дверь.

И он не только закрыл ее без звука, но и вставил туда болт, скорее всего, обтянутый резиной.

Через минуту мы работали над дверью, я с крошечным фонариком и бутылкой масла, а он с инструментом и с самым большим долотом, которое я видел. Йельский замок Раффлс даже не попытался вскрыть. Он был установлен

слишком высоко на двери, примерно в футах над ручкой. Вскоре на уровне глаз Раффлса появилась целая цепочка отверстий.

Тем не менее часы в зале успели нарушить тишину дома еще два раза, прежде чем мы получили доступ в комнату.

Следующей заботой Раффлса было заглушить звонок у окна (с помощью шелкового платка из шляпы) и подготовить экстренный отход, открыв сначала жалюзи, а затем само окно. К счастью, это была спокойная ночь, и лишь слабый ветерок прорвался внутрь. После этого Раффлс стал работать над показанным ему мной сейфом за книжным шкафом, пока я стоял на стреме. Я стоял там в течение долгого времени, слушая громкие часы в холле и тихие звуки инструментов Раффлса позади. Все было спокойно, пока третий звук не взбудоражил меня. Это был звук осторожно открываемой двери второго этажа.

Я успел только открыть рот, чтобы прошептать предупреждение Раффлсу. Но его уши тоже легко уловили посторонний звук. Его фонарь погас, пока я поворачивал голову. В следующий момент я почувствовал его дыхание на шее. Было уже слишком поздно не только для того, чтобы прошептать ему что-то, но и для того, чтобы закрыть изуродованную дверь. Мы могли только стоять. Я замер на пороге, Раффлс занял позицию у моего локтя, и мы наблюдали, как человек, несущий свечу, спускается по лестнице.

Дверь в кабинет находилась под прямым углом к проле-

ту, и для человека, который подходил к нам все ближе, не составило бы труда увидеть нас. Но вот нам было совершенно не видно, кто приближается к нам, мы оставались в неведении до момента, пока человек не оказался совсем рядом. По шороху одежды мы поняли, что это одна из дам в вечернем платье, как если бы она не так давно вернулась из театра или с бала. Я незаметно отступил назад, глядя, как свеча подплывает к нам все ближе. Когда она оказалась в нашем поле зрения, я почувствовал, что Раффлс бесшумно закрыл мне рот ладонью.

Я мог бы легко простить Раффлса за это! Ведь на следующем своем вдохе я бы закричал. Девушка со свечой... девушка в бальном платье... поздно ночью с письмом в руке... была последней девушкой на Земле, которую я бы предпочел встретить при таких обстоятельствах – как полуночный нарушитель порядка в ее доме, куда я был некогда приглашен благодаря ей!

Я забыл о Раффлсе. Я забыл о негодовании, которое он снова у меня вызвал. Я забыл о его руке на моих губах, я даже не заметил, когда он убрал ее. Во всем моем мире не существовало никого, кроме этой девушки. Мои глаза и мои мысли были поглощены только ею. Она не видела и не слышала нас, за все время она даже не повернула голову ни вправо, ни влево. Небольшой дубовый стол стоял на противоположной стороне зала. Именно туда она и направлялась. На нем была одна из тех коробок, в которые обычно складывают письма.

Она наклонилась, чтобы прочитать в свете свечи время, когда эту коробку опустошали.

Часы громко отчитывали уходящее время. Она выпрямилась, теперь ее свеча уже была на столе, обе ее руки держали письмо, а ее мрачное и красивое лицо выражало трогательное недоумение, от одного вида которого у меня на глаза навернулись слезы. Я увидел, как она открыла конверт, который не был запечатан, и прочитала письмо еще раз, как будто оно могло как-то измениться за те пару мгновений, что она не смотрела на него. Ничего было не изменить. Внезапно она сорвала со своей груди розу, которая украшала платье, и приложила ее к своему письму. От ее действий я не смог сдержать стоны.

Как я мог хранить молчание? Письмо было для меня. Я был так же уверен в этом, как если бы смотрел на конверт через ее плечо. Она не изменяла своим привычкам. Был только один человек, которому она писала и отправляла розы в полночь. Только ночью у нее был единственный шанс написать мне. Только так никто не узнал бы, что она написала. И она беспокоилась обо мне достаточно, чтобы смягчить упреки, которые бросила мне, красной розой, сохраняющей тепло ее сердца. И при всем при этом... я был здесь, обычный вор, который забрался сюда, чтобы украсть драгоценности! До последнего я не понимал, что она услышала меня, пока она испуганно не вскинула глаза. Руки Раффлса пригвоздили меня к месту.

Думаю, она, должно быть, видела нас, даже в тусклом свете одиноко стоящей свечи. Тем не менее она не издала ни звука, мужественно всматриваясь в темноту в нашем направлении. Мы не двигались, лишь часы в зале продолжали свой ход, отчитывая удары, словно барабан, и стремясь разбудить весь дом. Так прошла минута. Мы будто находились в удушьяющем сне. А затем произошло пробуждение – послышался громкий стук и зазвонил колокольчик у входной двери; эти звуки привели всех нас в чувства.

– Сын явился! – прошептал Раффлс мне на ухо, пока оттащивал меня в сторону окна, которое он оставил открытым для нашего побега.

Но когда он первым выпрыгнул на улицу, я услышал резкий крик, который заставил меня замереть у подоконника.

– Назад! Возвращайся! Мы в ловушке! – воскликнул он, и за секунду, что стоял там, я увидел, как он свалил одного офицера на землю, а другой бросился за ним в сторону лужайки. Третий подбежал к окну. Что я еще мог сделать, как не вернуться назад в дом? И там, в зале, я встретился с моей утраченной возлюбленной лицом к лицу.

До этого момента она не узнавала меня. Я подбежал, чтобы подхватить ее, когда она почти лишилась чувств. Моего прикосновения оказалось достаточно, чтобы прояснить ее сознание. Она стряхнула мои руки и вскрикнула:

– Ты... из всех людей! Из всех людей!

Я не смог выносить этого и бросился вновь к открытому

окну в кабинете.

– Не туда, только не туда! – вскрикнула она в агонии. Ее руки теперь держали мои. – Туда, туда, – прошептала она, указывая на простой шкаф под лестницей, где висели шляпы и пальто. Там она и закрыла меня, сдерживая рыдания.

Наверху уже открывались двери, слышались чьи-то возгласы, дом охватила тревога, распространяясь, словно лесной пожар, из комнаты в комнату. Люди бежали над моей головой по галерее и вниз по лестнице. Не знаю, что заставило меня надеть туфли, когда я их услышал, но думаю, что в тот момент я был готов выйти и сдать. Мне не нужно говорить вам, мысли о ком сдерживали меня. Я услышал ее имя. Я услышал, как они обеспокоенно кричат, как будто она упала в обморок. Я узнал и ненавистный мне голос *bete noir*, Алика Каррутерса, грубый, как у рассеянного сторожевого пса, и он еще посмел запятнать ее имя, обратившись к ней. И затем я услышал ее голос, – я не смог разобрать слова, она что-то тихо ответила. Это был ответ на несколько суровый вопрос другого человека. И по интонации я понял, что она на самом деле не теряла сознания.

– Наверх? Вы уверены в этом, мисс?

Я не услышал ее ответ. Я представил, как она просто указывает на лестницу. Над моей головой вновь раздался теперь уже оглушительный топот босых и обутых ног, который опять заставил меня почувствовать инстинктивный страх. Но голоса и шаги затихли надо мной, поднимаясь все выше

и выше. Меня волновало только, стоит ли попробовать сбежать, но пока я размышлял об этом, легкие шаги вновь раздалились над моей головой, и в полном отчаянии я вышел навстречу своему преследователю, который оказался тем, кого я вновь не ожидал увидеть.

– Быстрее! – вскрикнула она суровым шепотом и безапелляционно указала на крыльцо.

Но я продолжал стоять, мое сердце окаменело от ее скрытой ярости, и я почувствовал абсолютное безразличие ко всему остальному. И пока я не двинулся, я увидел письмо, которое она написала, – свернутое в шар и скомканное в ее кулаке.

– Быстро! – она топнула ногой. – Быстро... если ты хоть что-то чувствовал ко мне!

Последнее было сказано шепотом, без горечи, без презрения, но с внезапной мольбой в голосе, которая разожгла во мне огонь из остатков мужества. Я в последний раз взглянул на нее, повернулся и оставил, как ей и хотелось, – ради нее, не ради своего спасения. И когда шел к двери, я услышал, как она разрывает свое письмо на кусочки, и они падают на пол у ее ног.

Затем я вспомнил о Раффлсе; я мог бы убить его за то, что он сделал. Несомненно, к этому времени он уже был в безопасности в уютной гостиной Олбани. Что для него моя судьба? Все уже было не важно. Это станет концом отношений между ним и мной. Это ночь будет последней, мне боль-

ше не нужна такая работа в темные ночи. Я пойду и скажу ему об этом. Я сяду в кэб и поеду в его проклятую квартиру. Но сначала я должен сбежать из этой западни, в которой он так легко оставил меня.

Однако, оказавшись на ступеньках, я отпрянул назад в отчаянии. Они обыскивали каждый куст между крыльцом и дорогой. Фонарь полицейского постоянно мигал, то скрываясь за листвой, то вновь появляясь. В то время как молодой человек в вечерней одежде, стоявший на дорожке из гравия, указывал ему на что-то. Я понял, что именно его мне нужно избежать, но на первый же мой шаг молодой человек обернулся – и оказался Раффлсом собственной персоной.

– Ого! – воскликнул он. – Итак, ты тоже решил принять участие в наших танцах! Посмотрел внутри, да? Ты больше годишься нам здесь. Все в порядке, офицер, это еще один джентльмен из Эмпрес-Румс.

И мы помогали в бесполезном поиске, пока прибытие большего количества полицейских и намек от раздраженного сержанта не дали нам отличный повод уйти. Когда мы уходили, Раффлс взял меня под руку. Я стяхнул его руку, когда мы оставили позорную сцену позади нас.

– Мой дорогой Банни! – воскликнул он. – Ты знаешь, что привело меня обратно?

Я решительно ответил, что не имею не малейшего понятия, и меня это совершенно не интересует.

– Мне попался настоящий энтузиаст, – продолжил он. – Я

убегал от него, перепрыгнув через две или даже три садовые стены, но этот рысак все преследовал меня, и мы продолжили забег до самой Хай-Стрит. Когда мы оказались там, у него не хватило дыхания, чтобы оповестить всю улицу обо мне, поэтому я снял с себя пальто, когда зашел за угол, и воспользовался своим билетом на Эмпрес-Румс.

– Я не удивлен, что у тебя оказался припасенным билет на танцы, – прорычал я. Это не было совпадением: у Раффлса всегда имелся билет на любое развлечение сезона в Лондоне.

– Я даже не понял, какой именно танец они танцевали, – сказал он. – Я просто воспользовался возможностью сменить гардероб и избавиться от довольно выделяющегося пальто, которое я собираюсь вернуть сейчас. Они не слишком умны на этих этапах расследования, но я не сомневаюсь, что, зайдя я в зал, увидел бы пару-тройку знакомых лиц. Я мог бы даже пригласить даму на танец, если бы не волновался о твоей судьбе, Банни.

– Это было похоже на тебя – вернулся, чтобы помочь мне, – сказал я. – Но вот лгать мне и заманить своей ложью именно в этот дом... это совсем не похоже на тебя, Раффлс... и я никогда не прощу тебя за это!

Раффлс снова взял меня под руку. Мы были возле ворот Хай-стрит в Пэлес-Гарденс, и я был слишком убит своим горем, чтобы противостоять его словам, которые, я был уверен, не дам ему возможности произнести.

– Помилуй, Банни, не так уж я и заманивал тебя, – сказал

он. – Я сделал все, чтобы ты остался, но ведь ты сам не послушал меня.

– Если бы ты сказал мне правду, я бы послушал, – ответил ему я. – Но в чем смысл говорить обо всем заранее? Ведь лучше похвастать своими приключениями после того, как ты сбежал. Тебе абсолютно не важно, что бы со мной произошло.

– Я беспокоился настолько сильно, что вернулся.

– Мог бы и не стараться! Ты уже сделал достаточно. Раффлс... Раффлс, ты понял, кто та девушка?

Я схватил его за руку.

– Я догадался, – ответил он серьезно.

– Это она спасла меня, а не ты, – сказал я. – И это самое ужасное!

Я сказал ему это со странной печальной гордостью за того, кого я потерял... из-за него... навсегда. Замолчав, мы повернули на Хай-стрит. На улице царила тишина, тихая музыка доносилась от Эмпрес-Румс. Я подал сигнал двуколке, и Раффлс посмотрел на меня.

– Банни, – сказал он, – уже бесполезно говорить, как мне жаль. Мое сожаление в подобном случае не стоит и гроша... Я лишь надеюсь, что больше такого не повторится никогда! Только поверь мне, Банни, клянусь, что у меня не было даже малейшей мысли о том, что она в доме.

В глубине души я ему верил, но не мог сказать ему об этом.

– Ты сам сказал мне, что ты написал ей в дом тети, – напомнил он.

– И это письмо! – на меня вновь нахлынула волна горечи. – Это письмо, которое она написала глубокой ночью и стремилась украдкой отправить, было адресовано мне, его я ждал все эти дни! Я бы получил ее ответ уже завтра. Теперь я никогда не получу его, никогда не услышу о ней вновь, и ни в этом мире, ни в следующем у меня не будет шанса быть с ней. Я не говорю, что это лишь твоя вина. Ты знал не больше моего о том, что она будет там. Но ты преднамеренно солгал мне о жителях дома, и этого я тебе никогда не прощу.

Мой голос дрожал от переполняющей меня ярости. Двухколка уже ждала нас у обочины.

– Я лишь умолчал о некоторых фактах, – пожал плечами Раффлс. – Ложь или нет, изначально я планировал лишь получить от тебя определенные сведения, я не думал, что ты пойдешь со мной, я лишь хотел, чтобы тебя не мучили угрызения совести. Но на самом деле я не солгал тебе о старом Гекторе Каррутерсе и лорде Лохмабене, и любой, за исключением тебя, догадался бы, что я имел в виду.

– Так в чем же дело?

– Я несколько раз давал тебе подсказки.

– Скажи мне сейчас.

– Если бы ты читал газету от начала до конца, то мне не нужно было бы говорить тебе об этом. Но если ты хочешь знать, старик Каррутерс возглавил список представленных к

награде, и ему присвоили титул лорда Лохмабена.

И эта жалкая отговорка не была ложью! Усмехнувшись, я повернул назад, не сказав ни слова, и поехал к себе на Маунт-Стрит, сгорая от ярости и презрения. Это не ложь! Это лишь половина правды – самый злостный тип лжи, и я бы никогда не подумал, что Раффлс опустится до того, что использует ее. До сих пор между нами существовала определенная честность, даже если только того сорта, который может возникнуть между двумя ворами. Но теперь нет. Раффлс меня обманул. Я вычеркнул Раффлса из своей жизни, как та, чье имя я не стану упоминать здесь, вычеркнула меня из своей.

И все же, даже когда я обвинял его и питал отвращение к его поступку, я не мог не признать в глубине души, что он никогда не хотел причинить мне боль. По сути, сам обман можно было простить, и его причина была очевидна, Раффлс поделился ею со мной. Он и в самом деле говорил мне, что Лохмабен получил титул совсем недавно и что старший сын и наследник вел себя в точности как Алик Каррутерс. Он дал мне подсказки, которые я не понял, и он, безусловно, несколько раз пытался удержать меня от этой провальной затеи. Если бы он был со мной откровенен, я бы наверняка сделал все, чтобы отговорить его. В глубине души я не мог сказать, что Раффлс не сдержал молчаливого обещания быть честным по отношению ко мне. Я не понимал, как кому-то удастся безошибочно отделить причину от следствия

и распознать намерение. И я никогда бы не смог сделать это в данном случае.

Меня нельзя было обвинить в пренебрежении газетой в течение следующих нескольких мучительных дней. Я читал каждое слово, которое мог найти в газетах о попытке кражи драгоценностей в Пэлес-Гарденс, и отчеты давали мне единственное утешение. Во-первых, это была всего лишь попытка ограбления. В конце концов, воры ничего не украли. А также... также один из членов семьи, который встретился лицом к лицу с грабителями, не смог предоставить какого-либо описания преступников и даже выразил сомнения, что сможет их опознать в случае ареста!

Я не буду писать о том, какие смешанные чувства поразили меня, когда я прочитал эти строки. Во мне еще теплилась слабая надежда, пока однажды утром мне не вернули единственные подарки, которые я когда-либо делал. Это были книги. Драгоценности дарить мне было запрещено. И книги вернулись без единой строчки, хотя мое имя на посылке было написано ее рукой.

Я решил никогда больше не подходить близко к Раффлсу, но в душе уже сожалел о своем решении. Я потерял любовь, пожертвовал честью, а теперь должен сознательно отстраняться от того, чье общество может быть единственным вознаграждением за все, что я потерял. Ситуация усугублялась состоянием моего счета. Я ждал, что мой банкир со дня на день выставит мне ультиматум. Но все это не сравнится с

влиянием моего друга. С влиянием Раффлса. Дело было не в той преступной жизни, которую мы вели, и тем более не в наградах, а в нем самом. В его озорстве, юморе, ослепляющей смелости, его несравненной храбрости и решимости. И ужас от того, что я вновь приду к нему от обыкновенной жадности, вызвал у меня сильнейший гнев. Но гнев покинул меня, и, когда наконец Раффлс сделал первый шаг и пришел ко мне, я поприветствовал его почти крича.

Он появился так, как будто ничего не случилось. И действительно, прошло не так много дней, хотя мне казалось, что миновали месяцы. И мне показалось, что взгляд, который смотрел на меня, был чуть менее солнечным, чем раньше. И от этого мне стало легче, когда он все же задал неизбежный вопрос.

– Ты что-нибудь слышал от нее, Банни? – спросил он.

– В некотором смысле, – ответил я. – Мы не будем говорить об этом, если ты не возражаешь, Раффлс.

– Ах, вот в каком смысле! – воскликнул он.

Раффлс казался одновременно удивленным и разочарованным.

– Да, – ответил я, – в этом смысле. Все кончено. А что ты ожидал?

– Не знаю, – сказал Раффлс. – Я только думал, что девушка, которая сделала все, чтобы спасти юношу из трудного положения, может сделать еще немного для того, чтобы он не угодил в другое.

– Я не вижу в этом смысла, – честно сказал я, но мое раздражение чуть поубавилось.

– Но ты слышал это от нее? – продолжал он.

– Она прислала мне мои скромные подарки, не написав и слова, – сказал я, – если это можно назвать «слышал».

Я не мог сказать Раффлсу, что дарил ей только книги. Он спросил, уверен ли я, что это она отправила их обратно. И это был его последний вопрос. Мой ответ удовлетворил его. И даже сейчас я не могу сказать, с облегчением или сожалением он положил мне руку на плечо.

– Значит, тебя изгнали из Рая! – сказал Раффлс. – Я не был уверен, надо ли было мне прийти раньше. Ну, Банни, если они не хотят принимать тебя там, в Олбани есть небольшой Ад, где тебе всегда будут рады.

И все же за его озорной улыбкой скрывалась тень грусти, которую мне все еще с трудом удавалось прочесть.

Сундук серебра

Я почитал Раффлса как мастера своего дела. Он, как и другие представители нашей профессии, испытывал настоящее презрение к любого рода заурядным кражам. В случае, если трофеем нельзя было спрятать на себе, он был ему не нужен, будь то старое шеффилдское серебро, вещи из чистого серебра или даже золота, ему это было неважно. В отличие от остальных из нас, Раффлс все же нередко позволял прихотливому духу коллекционирования одержать вверх над его профессиональной осторожностью. Старые дубовые сундуки и даже винный шкаф из красного дерева, за который он, без сомнения, заплатил, как честный гражданин, было невозможно перенести из-за тяжести, и их единственное назначение было в том, чтобы хранить многочисленные антикварные расписные тарелки и фамильные ценности, которые у него не хватало храбрости использовать по назначению, расплавить или продать.

Он мог только пожирать их глазами за закрытыми дверями, а я все время дразнил его этим. И наконец однажды днем я его даже застал за излюбленным делом. Это было во время моего «ученичества», в безмятежный период в Олбани, когда Раффлс, казалось, не оставил ни одной невзломанной квартиры в Лондоне, и я неизменно играл роль его соучастника. Я пришел к нему из-за телеграммы, в которой он со-

общал, что уезжает из города и должен попроситься со мной перед отъездом. Вначале я подумал, что его вновь захлестнуло сумасшествие от долгого созерцания бронзовых чашек и тусклых чайников, которые, кстати, когда я вошел, окружали его, но затем я увидел огромный серебряный сундук, в который он одну за другой укладывал свою драгоценную утварь.

– Оставь дверь открытой, Банни! Я позволю себе запереть обе двери позади тебя и оставлю ключ в кармане, – сказал Раффлс, выпуская меня. – Не то чтобы я хотел взять тебя в плен, мой дорогой друг, но есть те из нас, кто способен повернуть ключ с другой стороны и войти внутрь, хотя, признаюсь, у меня этот фокус никогда не получался.

– Неужели снова Кроушай? – вскричал я, оставаясь в шляпе.

Раффлс лишь улыбнулся своей неизменной дразнящей улыбкой, которая могла ничего не значить, но довольно часто скрывала в себе большой смысл. Этой улыбке было достаточно, чтобы я в одно мгновение убедился, что наш самый завистливый враг и опасный соперник, специалист старой школы, решил вновь наведаться к Раффлсу.

– Это еще предстоит выяснить, – ответил Раффлс. – С того самого случая, как я видел его спину в этом самом окне, больше мне не представлялось возможности лицезреть его. На самом деле я всегда представлял его удобно расположившимся в какой-нибудь тюремной камере.

– Только не старик Кроушай! – сказал я. – Второго его визита нам нельзя допустить. Он слишком хороший профессиональный взломщик, я бы даже назвал его принцем среди взломщиков.

– Вот как? – спросил Раффлс холодно, остановив свои серые глаза на мне. – Тогда тебе лучше быть готовым к тому, чтобы держать оборону от вражеских принцев, когда я уйду.

– Но куда ты поедешь? – спросил я, попутно снимая шляпу и пальто и укладывая свои вещи в антикварный комод, который был одним из величайших сокровищ моего друга. – Куда ты направляешься и почему ты берешь с собой это стадо фарфоровых слонов?

От моего описания его расписной утвари по лицу Раффлса пробежала тень улыбки. Он разделил со мною одну из своих любимых сигарет, попутно отказываясь от предложенного графина.

– Слишком много вопросов, Банни, – сказал он. – Во-первых, я уезжаю, чтобы дать возможность малярам освежить это место слоем краски, а также установить электрический свет и телефон, который ты так давно требуешь поставить.

– Хорошо! – воскликнул я. – У нас наконец-то будет возможность делиться информацией и днем и ночью!

– И дать возможность другим подслушать нас и упечь за решетку? По всей видимости, ты не научишься, пока тебя не приведут в участок, – ответил Раффлс жестоко. – Но все остальное сейчас нужно. Не то чтобы мне жизненно необ-

ходим новый слой краски или я мечтаю об электрическом свете, но о настоящих причинах я могу сказать только тебе, Банни, и только шепотом. Не воспринимай их слишком серьезно, но факт в том, что есть в Олбани некие пташки, которые подозревают меня. И этот щебет наверняка начался благодаря старой вороне, полицейскому Маккензи. Пока беспокоиться не стоит, но я не хочу, чтобы это распространилось. Что ж, я думал о двух вариантах: либо навсегда съехать отсюда и тем самым подтвердить опасения всех этих пташек, либо на какое-то время уехать, придумав причину, которая даст властям право обыскать каждый дюйм моих комнат. Как бы ты поступил, Банни?

– Конечно, я бы съехал, пока есть возможность! – ответил я преданно.

– Так я и думал, – кивнул Раффлс. – Но ты наверняка оценишь преимущества моего плана. Я оставлю здесь все незапертым.

– Кроме вот этого, – сказал я, легонько задев ногой огромный дубовый сундук с железными обручами и застегками, внутри которого грубое облицовочное сукно быстро исчезало под горами свертков в форме ваз и канделябров.

– Этот сундук, – ответил Раффлс, – не будет со мной, но и не останется здесь.

– Тогда что ты предлагаешь сделать с ним?

– У тебя есть банкир и банковский счет, – продолжил он. Это было совершенно верно, хотя именно благодаря Раффл-

су он все еще оставался открытым, и именно Раффлс желал, чтобы у меня было и то и другое.

– И?

– Заплати эту сумму сегодня и скажи, что у тебя была отличная неделя в Ливерпуле и Линкольне. Затем спроси их, могут ли они сохранить этот сундук, пока ты будешь в Париже праздновать Пасху. Ты должен сказать им, что он довольно тяжел – много старинных семейных вещей, которые ты планируешь оставить у них, пока не женишься и не обоснуешься где-нибудь.

Я вздрогнул от последней фразы, но согласился с остальным. В конце концов, по многим причинам это была правдоподобная история. И у Раффлса действительно не было банкира. Ему просто было бы невозможно объяснить, откуда берутся все те огромные суммы, которые часто проходят через его руки. Я не исключал и того, что он платил за содержание моего счета ради того, чтобы воспользоваться им в подобной ситуации. У меня не было никаких оснований для отказа, и я до сих пор рад вспоминать, что охотно согласился.

– Когда сундук будет готов? – спросил я, попутно набивая портсигар выданными мне банкнотами. – И как мы можем доставить его из Олбани в часы работы банка, не привлекая при этом лишнего внимания?

Раффлс одобрительно кивнул.

– Я рад, что ты так быстро уловил самую суть, Банни. Я сначала подумал о том, чтобы ты забрал его себе ночью, но

нас обязательно увидят, и в целом это будет выглядеть намного менее подозрительным среди бела дня. Тебе понадобится от двенадцати до пятнадцати минут, чтобы доехать до твоего банка в экипаже, так что если ты будешь здесь без пятнадцати девять завтра, то отлично уложишься. Но обязательно приступи к подготовке сейчас же, садись в кэб и поезжай, если хочешь все успеть!

Как же это было похоже на Раффлса тех дней – внезапно окончить разговор и отпустить меня, кивнув и пожав мне руку. Я раздумывал, не попросить ли еще одну сигарету, поскольку у меня оставалась как минимум еще пара вопроса к нему. Я все еще не знал о пункте назначения, но лишь это я успел выпытать у него, пока застегивал пальто и надевал перчатки.

– Шотландия, – наконец проговорил он.

– На Пасху, – заметил я.

– Чтобы учить язык, – объяснил он. – Я не знаю никаких иностранных языков, лишь свой, но я стараюсь компенсировать свое незнание, совершенствуя каждый диалект. Некоторые из них оказались полезными даже тебе, Банни. Ты же помнишь, как нам пригодился мой кокни в ту ночь в Сент-Джонс-Вуде? Я могу симитировать ирландский, настоящий девонширский, очень недурной норфолкский и целых три разных йоркширских диалекта. Но вот мой шотландский, особенно в галлоуэйском варианте, оставляет желать лучшего.

– Ты все еще не сказал мне, куда тебе писать.

– Я напишу тебе сам, Банни.

– По крайней мере, позволь мне тебя проводить, – призывал я от двери. – Обещаю не смотреть на билет, если ты мне просто скажешь время отправления!

– В одиннадцать пятьдесят с Юстона.

– Тогда я буду у тебя без четверти десять.

И я оставил его, разглядев нетерпение на его лице. Все, конечно, казалось достаточно понятным, даже без долгого обсуждения, которое я любил, а Раффлс ненавидел. Но я думал, что мы можем, по крайней мере, поужинать вместе, и в кэбе чувствовал себя обиженным, пока не вспомнил спрятанные в портсигаре банкноты и не пересчитал их. После этого злиться было невозможно. Сумма составляла трехзначное число, и было ясно, что Раффлс хотел, чтобы я тоже не скучал в его отсутствие. Поэтому я поведал его ложь в банке и договорился, что привезу сундук завтра утром. Затем я отправился в наш клуб, надеясь, что он придет, и что мы все же сможем поужинать вместе. Но меня постигло разочарование. Однако даже это разочарование не сравнилось с тем, что ожидало меня в Олбани, когда я прибыл туда на следующее утро в четырехколесном экипаже.

– Господин Раффлс уже уехал, сэр, – сообщил мне швейцар доверительно, но с ноткой упрёка. Этот человек питал к Раффлсу особое расположение: ему часто поручали мелкие дела, и за это он получал щедрые чаевые. Меня он знал по-

что так же хорошо.

– Уехал! – эхом отозвался я. – И куда же?

– В Шотландию, сэр.

– Уже?

– В одиннадцать часов пятьдесят минут, вчера ночью.

– Прешлой ночью! Я думал, что он имел в виду сегодняшнее утро!

– Он знал, что вы так подумали, сэр, когда вы не пришли в назначенное время, и поручил мне передать вам, что утреннего поезда не было.

Я мог бы начать рвать на себе волосы от охватившего меня унижения и досады, которые относились в равной степени как ко мне самому, так и к Раффлсу. В этой неразберихе он был виноват не меньше моего. Если бы он не торопился избавиться от меня и объяснил все более доходчиво, такой ситуации не возникло бы.

– Сказал ли он что-то еще? – угрюмо спросил я.

– Только о каком-то ящике, сэр. Мистер Раффлс сказал, что вы будете в ответе за ящик, пока он в отъезде, и у меня есть приятель, который готов вам помочь донести его. Я слышал, что он довольно тяжел, но мистер Раффлс и я вдвоем его подняли, так что и мы с дружкой сможем.

Со своей стороны, должен признаться, что вес сундука беспокоил меня меньше всего, я переживал только о размере проклятой поклажи, когда преодолевал расстояние в кэбе, проезжая мимо клуба и парка в десять часов утра. Я вжался

в сиденье и откинулся так далеко, как только мог, но то, что громадный сундук на крыше связан со мной, было очевидно любому, кто посмотрел бы на мой кэб. От волнения мне стало казаться, что сквозь деревянную поверхность сундука можно легко разглядеть содержимое, которое просто кричит о виновности владельца. В какой-то момент констебль остановил движение, когда мы подъехали к перекрестку, и на секунду эта обыкновенная церемония заставила мою кровь застыть в жилах от страха. Уличные мальчишки кричали нам – или же вовсе не нам... Но в тот момент я был уверен, что именно мне адресованы их крики, и мне слышалось: «Держи вора!». Думаю, не стоит говорить, что эта поездка была одной из самых неприятных в моей жизни. *Horresco referens*¹.

Однако в банке, благодаря предусмотрительности и щедрости Раффлса, все прошло гладко. Я щедро оплатил поездку, дал флорин крепкому парню в ливрее, который помог донести до банка сундук, и даже сунул монету общительному клерку, который добродушно смеялся над моими шутками о победителях из Ливерпуля и моем семейном серебре. Я был смущен лишь тем, что банк не выдает квитанций на вклады такого рода. Теперь-то я знаю, что в большинстве лондонских банков так и поступают. Но мне приятно вспоминать, что в то время я выглядел так – и был в этом уверен, – что все ценное, чем я обладал, находилось под угрозой.

Остаток дня я должен был провести довольно весело, ведь

---

¹ И рассказывать страшно об этом (лат.).

с моих плеч, с головы и с рук упала громоздкая ноша. Так бы и было, если бы я не получил загадочную и смутившую меня записку от Раффлса, прибывшую поздно ночью. Он был из тех людей, которые телеграфируют часто, а вот письма пишут редко. Иногда, однако, он посылал строчку, написанную в спешке, через специальную службу. И ночью, по всей видимости в поезде, он нацарапал это послание, отправив его ранним утром в Кру:

«Остерегайся Принца среди Профессоров! Он был неподалеку, когда я уехал. Если есть малейшая причина для беспокойства о сохранности в банке, немедленно заведи назад и храни в собственных комнатах. Будь молодцом,

А. Дж. Р.

Р. С. Есть и другие причины, обо всем расскажу».

Вот же загадка на ночь! Я ломал голову над его словами весь вечер, а ведь думал, что отлично проведу время с новоприобретенными средствами и при сохранности сундука в банке, но это загадочное предостережение испортило мне остаток ночи. Записка прибыла ко мне с последней почтой, но я уже несколько раз пожалел, что не оставил ее на всю ночь в почтовом ящике. Что именно это означает? И что я должен делать? Эти вопросы одолели меня с новой силой ранним утром.

Известие о Кроушае меня не удивило. Я был совершенно уверен, что у Раффлса нашелся повод для того, чтобы вспо-

минать о нем перед отъездом, даже если он и не видел этого мерзавца собственными глазами. Кроушай и это путешествие могут быть куда более тесно связаны, чем я изначально предполагал. Раффлс никогда не делился со мной всеми фактами. Но об основном он мне рассказал... Я видел своими глазами, как его ценности благополучно оказались спрятанными в моем банке. Сам Кроушай не мог попасть туда вслед за мной. Я был уверен, что он не преследовал мою двуколку. В той паранойе, в которой я находился во время того путешествия, я бы наверняка заметил его. В голове промелькнула мысль о мужчине, который помог дотащить сундук. Нет, я помнил, как выглядит Кроушай, и он совсем не был похож на него.

Мысль о том, чтобы забрать проклятый сундук из банка, водрузив его на крышу другого кэба, без веских причин и дальнейших инструкций от Раффлса, даже не стоила обдумывания. Но я не мог выбросить ее из головы в течение нескольких часов. Я всегда беспокоился о том, что не делаю так много для Раффлса, как он для меня. Он не раз и не два помогал мне, снова и снова с самого первого дня знакомства. Мне не нужно указывать причины, почему я не хотел забрать сундук под свою опеку, они всякий раз всплывали в моей голове. Но каждый раз я вспоминал о том, что Раффлс много раз брал на себя намного худшие риски ради меня, и я хотел, чтобы он узнал, что может рассчитывать на мою преданность.

Поэтому я сделал то, что часто предпринимал, когда оказывался в подобных ситуациях, без инструкции и малейшей идеи, что меня ждет. Я почти ничего не поел, но сразу же отправился на Нортумберленд-авеню в турецкую баню. Не знаю другого способа, который бы так очищал тело и разум, а также давал возможность принять верное решение. Даже Раффлс, без лишнего грамма веса или склонности к тревоге, оценил его и отзывался о нем как о единственном способе восстановить душевное спокойствие человека, когда все остальные неэффективны. Для меня расслабление начиналось со снятия обуви. Я слышал умиротворяющие приглушенные звуки шагов, журчание фонтана, меня мало беспокоили завернутые в полотенца фигуры на кушетках, я просто полностью погружался в атмосферу чистоты, неспешности и тепла, такое времяпровождение радовало мою душу.

Полчаса в самой парилке (я когда-то считал в уме) дарили моим усталым конечностям божественное расслабление, а разум полностью очищался.

И все же... и все же... это было в том самом жарком помещении, при температуре в 270 градусов по Фаренгейту, когда газета «Пэлл Мэлл», которую я приобрел по пути сюда, поселила во мне тревогу.

Я перелистывал горячие шелестящие страницы и наслаждался чтением, пока перед глазами не образовался заголовок, который вывел меня из транса, будто пощечина:

ГРАБИТЕЛИ БАНКА В УЭСТ-ЭНДЕ – ДЕРЗКОЕ И ЗАГАДОЧНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ

Совершенно дерзкое ограбление со взломом и подлое нападение на территории Городского и Пригородного Банка на Слоун-стрит, 5. Из данных, которые стали известны, ограбление, по-видимому, было заранее спланировано и ловко произведено в ранние часы этого утра.

Ночной сторож по имени Фосетт утверждает, что между первым и вторым часами ночи он услышал небольшой шум в помещении, используемом для хранения предметов роскоши некоторых клиентов банка. Когда он спустился вниз, чтобы узнать причину шума, на него напал грабитель, которому удалось повалить его на землю, прежде чем сторож смог поднять тревогу.

Фосетт не может описать нападавшего или нападавших, но уверен, что грабителей было несколько. Когда бедолага пришел в сознание, от воров простыл и след, за исключением единственной свечи, которую оставили в коридоре. Тем не менее хранилище было открыто, и сторож забеспокоился, что преступникам удалось выкрасть много ценных предметов из сундуков и ячеек, в связи с тем, что в пасхальные каникулы многие оставили свои ценности на хранение, и это, по всей видимости, воров приняло во внимание, когда планировали ограбление. Обычные банковские ячейки не вскры-

вали. Считается, что вход и выход в банк осуществлены через подвал для хранения угля, который также располагается в подвальной части банка. До настоящего времени полиция не произвела ареста.

Я сидел практически парализованный этими ужасающими новостями, и, клянусь, что даже при этой невероятной температуре по моей коже с головы до пят заструился холодный пот. Кроушай! Кроушай вновь охотится за Раффлсом и его краденными ценностями! И в этот раз я винил самого Раффлса: он предупредил меня слишком поздно. Он должен был связаться со мной сразу, прежде чем я поехал с сундуком в банк. Он был явно не в себе, когда покупал столь очевидный и заметный сундук для своих сокровищ. Это будет хорошим уроком Раффлсу, если окажется, что именно его ящик, а не другой, оказался опустошен ворами.

Когда я вспомнил о содержимом сундука, то непроизвольно вздрогнул. Внутри была груда преступных реликвий. Предположим, что его сундук действительно был взломан и избавлен от всех ценностей, но это не отменяет того факта, что даже самой миниатюрной серебряной вещицы на дне, которую могут легко обнаружить уже сейчас, достаточно, чтобы отправить Раффлса на каторгу! И Кроушай был способен на это. Оставив что-то в сундуке, он бы исполнил свою коварную месть... без сожаления или раскаяния.

Для меня сейчас был лишь один путь. Я должен следовать инструкциям и забрать сундук в случае опасности – или

быть арестованным при попытке это сделать. Если бы только Раффлс оставил мне какой-то адрес, на который я мог бы выслать ему предупреждение! Но сейчас не было смысла думать об этом. Для всего остального у меня было достаточно времени до четырех часов, сейчас еще не было и трех. Я принял решение завершить банную процедуру и постараться насладиться ею сполна. Это могло стать моим последним посещением турецкой бани на многие годы.

Но я не мог насладиться даже своей любимой турецкой баней. Я делал все быстро, нанес шампунь и наспех погрузился в воду. Рутинно встал на весы, как делаю всегда, но забыл дать работнику шесть пенсов, в связи с чем в его голосе послышался упрек, когда он произнес «Adieu», и только после этого будто очнулся ото сна. И мой диван в зоне отдыха... мой любимый диван, в моем любимом уголке, который я заметил еще при входе... оказался неудобен до ужаса, будто на нем повсюду были шипы, а когда я сел на него, перед моими глазами пронеслись видения тюремной койки!

Должен добавить, что слышал, как другие посетители бани обсуждают кражу со взломом. Я, конечно, прислушивался к тому, что они говорят, пока не ушел, но разочаровывался каждый раз, понимая, что затаил дыхание напрасно. Хорошо, что этот мучительный час прошел без неприятных сюрпризов. Лишь когда я подъехал к Слоун-стрит, новости об ограблении были на всех стендах; на одном я заметил слово «зацепка», которое значило погибель, и я был мрачно на-

строен разделить ее.

Возле банка царила суматоха. Какой-то кэб уехал оттуда с умеренного размера (в отличие от моего) сундуком, в то время как внутри одна огорченная леди спорила с представителем банка. Что касается добродушного клерка, который за день до этого смеялся над моими шутками, он больше не пребывал в приподнятом настроении, и даже напротив, довольно грубо поприветствовал меня, когда я оказался в его поле зрения.

– Мы ожидали, что вы придете, – сказал он. – Вам не нужно так беспокоиться.

– Он здесь?

– Этот ваш Ноев ковчег? Судя по тому, что мне сказали, грабители пытались открыть его, но их прервали, и они больше не возвращались.

– Так его даже не открывали?

– По всей видимости, они только начали подбирать ключ к замку.

– Слава богу!

– Да, вам очень повезло, – прорычал клерк. – Менеджер говорит, что всему виной был ваш сундук.

– Почему вы так считаете? – спросил я с беспокойством.

– Грабители увидели его еще за милю, пока вы направлялись сюда, и последовали за вашими ценностями, – сказал клерк.

– Менеджер хочет видеть меня? – смело спросил я.

– Нет, если вы сами не желаете его видеть, – последовал резкий ответ. – Он встречался с другими клиентами с самого утра, и большинство из них пострадало от налета.

– Тогда я сделаю так, чтобы мое серебро больше не смущало вас, – сказал я покровительственным тоном. – Я планировал оставить сундук, если с ним все в порядке, но после того, что вы сказали, конечно же, заберу его. Позовите своего работника или даже работников, чтобы они помогли мне немедленно перенести сундук. Я уверен, что они помогали многим сегодня, но я щедро отблагодарю их за помощь.

В этот раз я не был против проехать по улицам с сундуком. Меня охватило настоящее облегчение, и оно было настолько сильным, что для мук и страха за ближайшее будущее просто не было места. Летнее солнце никогда не светило так ярко для меня, как то тусклое сияние в начале апреля. Я видел зелено-золотые почки и побеги на деревьях, когда мы проезжали мимо парка, и почувствовал, как в моем сердце словно прорастает надежда. Мимо проехали школьники, которые спешили домой на пасхальные праздники, на крышах их четырехколесных экипажей располагались велосипеды, но даже эти юноши не были и наполовину так рады, как я: несмотря на огромный груз в моем кэбе, словно тяжкое бремя упало с моих плеч.

На Маунт-стрит сундук каким-то чудом поместился в лифт, и нам с лифтером не составило большого труда отнести его в мою квартиру. После всего случившегося он даже

стал казаться мне почти невесомым. Я чувствовал себя Самсоном в этот час. Не помню, что я сделал, когда оказался один с моим белым слоном посреди комнаты. Только скажу, что графин выскользнул из моих пальцев, когда я услышал...
– Банни!

Это был Раффлс. Я не понимал, где он находится, и совершенно напрасно искал его глазами. Но его не было у окна, как не было и у открытой двери. И все же Раффлс где-то был, или, во всяком случае, его голос где-то прозвучал, и он был явно переполнен удовольствием и удовлетворением, – я мог это понять и не глядя на него. Я опустил глаза и наконец увидел его оживленное лицо посередине сундука, как у святого, который возник из воздуха.

Но Раффлс был жив, он смеялся, не заботясь о своих головах-связках, и в его появлении не было ни трагедии, ни иллюзии. Он был как игрушка-попрыгунчик в натуральную величину: просунул голову через крышку между двумя железными полосами, которые обвивали сундук, как ремни портмоне. Он, должно быть, вырезал их, а когда я пришел, стал притворяться, что собирает чемодан в дорогу. А возможно, он начал работать над этим чудо-сундуком еще ночью, потому как при ближайшем рассмотрении работа оказалась по-настоящему искусной. Я просто молча наблюдал, как он согнулся от смеха, затем показалась его рука с ключами от двух замков сундука, он легко открыл их и таким образом смог спокойно подняться и выйти, как настоящий фокусник.

– Значит, это ты был грабителем! – воскликнул я наконец. – Ну я даже рад, что не знал.

Он едва не сломал мне руку в крепком рукопожатии.

– Старина, – воскликнул он, – это именно то, что я и ожидал от тебя услышать! Как бы ты мог сыграть свою роль, изобразив все эти эмоции, если бы знал обо всем? Как мог любой другой живой человек? Я не уверен, что даже лучший актер на земле смог бы сыграть столь правдоподобно на твоём месте! Я слышал почти все и видел. Банни, я не знаю, где ты лучше исполнил свою роль: в Олбани, здесь или в своём банке!

– Я не знаю, где я был более несчастен, – возразил я, думая о произошедшем с гораздо меньшим энтузиазмом. – Я знаю, что ты не считаешь, что у меня есть актерский талант, но я взял бы на себя обязательство хранить все в секрете и уверен, что сделал бы все от меня зависящее. Единственное отличие было бы в моем собственном душевном спокойствии, которое, конечно, не принималось в расчет.

Но Раффлс лишь улыбнулся своей очаровательной обезоруживающей улыбкой. Он был в старой одежде, довольно рваной и потрепанной, лицо и руки его чуть испачкались, но в остальном он не выглядел измотанным после того, что ему пришлось пережить. И, как я уже говорил, его улыбка всегда успокаивала меня.

– Ничуть не сомневаюсь, ты бы пошел на многое, Банни! Нет предела твоему героизму, но не забывай о человеческом

факторе, который проявляет себя как раз в самых критических ситуациях. Я не мог забыть об этом, Банни. Я не мог позволить, чтобы какая-либо мелочь помешала выполнению моего плана. Не говори так, будто я не доверял тебе! Я доверил тебе свою жизнь, поставил все на твою верность и упорство. Как думаешь, что бы случилось со мной, если бы ты позволил сундуку остаться в том хранилище? Как считаешь, через какое время мне пришлось бы выбраться и сдать властям? Да, впервые я бы сам сдался и получил в награду долгие годы добропорядочного труда. Красота всех законов – в возможности нарушить их, это относится и к тем законам, которые мы сами устанавливаем.

У меня был «Салливан» для него, и через минуту он уже расположился на моем диване, разминая онемевшие конечности с бесконечным удовольствием; сигарета между пальцами, золото в бокале под рукой – все это в честь его триумфа и моих переживаний.

– Не так важно, когда это пришло мне в голову, Банни, по сути это было только на днях, когда я решил уехать на какое-то время по тем причинам, о которых я тебе говорил. Возможно, я придавал им куда большее значение, чем на самом деле. И я действительно хотел провести телефон и электричество.

– Но куда ты спрятал серебро, прежде чем сел в сундук?

– Никуда, это был мой багаж – дорожная сумка, спортивное снаряжение для крикета и сумка, набитая разными ме-

лочами, я их оставил в Юстоне, и один из нас должен принести их этим вечером.

– Я могу это сделать, – сказал я. – Но ты действительно проехал до Кру?

– Ты не получил мою записку? Я проделал весь путь до Кру, чтобы отправить тебе эти несколько строк, мой дорогой Банни! Бесплезно начинать что-то, если не учитывать все детали. Я хотел, чтобы ты показал все эмоции в банке. Кроме того, я сел в обратный поезд, отходящий от платформы через четыре минуты после того, как сошел на станцию. Я просто отправил свое письмо в Кру и сменил один поезд на другой.

– В два часа ночи!

– Ближе к трем, Банни. Когда я забрался в сундук, было уже около семи. Но даже в этом случае у меня было два часа, прежде чем ты должен был появиться.

– И подумать только, – пробормотал я, – как ловко ты меня обманул!

– С твоей помощью, – сказал Раффлс, смеясь. – Если бы ты проверил расписание поездов, то узнал бы, что утреннего поезда попросту нет, а ведь я и не говорил, что поеду утром. Но я хотел обмануть тебя, Банни, и признаю это... но это все было ради успеха! После этого я провел не самые приятные полчаса в своей жизни, пока меня транспортировали. У меня были с собой свеча, спички, и я много читал. В хранилище было вполне неплохо, пока не случился тот неприятный инцидент.

– Поделись со мной, дорогой друг!

– Для этого мне нужен еще один «Салливан»... спасибо... и еще одна спичка. Неприятный инцидент был в том, что мне послышались шаги снаружи, и в замке повернулся ключ! Я был занят взломом замка на одном из сундуков. Я едва успел погасить свечу и спрятаться за ним. К счастью, тот ящик оказался достаточно большим, чтобы меня не было видно, его содержимое я покажу чуть позже, там были драгоценные камни. И все-таки пасхальные праздники прошли для нас довольно удачно, я даже не мечтал о подобном улове.

Его слова напомнили мне о газете «Пэлл Мэлл», которую я читал в бане и которая лежала сейчас в моем кармане. Я выудил ее, бумага уже сморщилась и раздулась от жара, и передал Раффлсу, указывая большим пальцем на статью об ограблении.

– Восхитительно! – сказал он, прочитав ее. – Грабителей было больше одного, да еще и проникли они через угольный подвал! Я оставил там достаточно свечного сала, чтобы эти плиты как следует прокоптились. Но если рассуждать здраво, то ясно, что через тот ход, Банни, не пролез бы и восьмилетний мальчишка. Пусть они продолжают разрабатывать эту теорию в Скотланд-Ярде!

– А как насчет того парня, которого ты ударил? – спросил я. – Это совсем на тебя не похоже, Раффлс.

Раффлс задумчиво пускал кольца дыма, лежа на диване, его черные волосы разметались по подушке, от света, падав-

шего на него, черты лица заострились.

– Я знаю, Банни, – начал он с сожалением. – Но такие вещи, как любой поэт скажет, действительно неизбежны. Мне потребовалось пару часов, чтобы выбраться из хранилища. Третий час я посвятил безобидной имитации того, что кто-то забрался через подвал, и вдруг услышал шаги. Некоторые из нас, возможно, даже убили бы сторожа, другие залезли бы в какой-нибудь угол, из которого не было бы пути отступления. Я оставил свою свечу там, где она была, подкрался к бедолаге, прислонился к стене и ударил его, когда он проходил мимо. Признаю, что это был подлый удар, но тот факт, что пострадавший уже рассказал о произошедшем, свидетельствует, что я сознательно не вложил в него много сил.

Он осушил свой бокал и покачал головой, когда я подошел к нему с графином. Раффлс показал мне фляжку, которую носил в кармане. Она была все еще почти полной, и я понял, что он мог быть наедине с этой самой фляжкой все праздники. На Пасху или в другой праздник, если бы я подвел его, ему бы пришлось пойти на все, чтобы выбраться оттуда. Но риск был огромным, и я с радостью почувствовал, что все сделал верно.

Что касается трофеев, обнаруженных Раффлсом в хранилище моего банка на Пасху – без восторгов или чрезмерных подробностей могу сказать, что их ценность была достаточной для того, чтобы я присоединился к Раффлсу во вре-

мя его отсроченных каникул в Шотландии. Более того, полученная сумма позволила ему регулярно играть в крикет за «Мидлсекс» все следующее лето, за это время он сыграл больше, чем за несколько прошлых сезонов. В общем, его затея оправдала себя в моих глазах, несмотря на излишнюю (но неизменную) секретность, которую я так не любил. Даже сейчас, вспоминая об этом, я восхищаюсь его находчивостью; мой единственный упрек ему касался фантомного Кроуша.

– Ты позволил мне думать, что он вновь нацелился на нас, – сказал я. – Но я так понимаю, что ты даже не слышал о нем с того самого дня, когда он сбежал через твое окно.

– Я даже не думал о нем, Банни, пока ты не пришел ко мне и не вложил эту мысль в мою голову своими словами. Моя цель заключалась в том, чтобы ты искренне беспокоился за мои тарелки.

– Конечно, я понял это, – возразил я. – Но мне кажется, что ты слишком вошел в роль. Зачем было писать столь очевидную ложь об этом мерзавце?

– Ни одной лживой строчки, Банни.

– А о «принце среди профессионалов», который был неподалеку, когда ты уехал?

– Мой дорогой Банни, но ведь это чистая правда! – воскликнул Раффлс. – Да, признаю, было время, когда я был лишь любителем. Но после того, что я проделал в банке, я считаю себя профессионалом среди профессионалов. И

пусть сомневающиеся для начала превзойдут мой трюк!

ОТДЫХ

Я не видел Раффлса уже месяц или даже больше, и мне был нужен его совет. Моя жизнь была отягощена тем, что в нее вторгся мерзавец, который приобрел мою мебель на Маунт-стрит, и я понимал, что, только живя в другом месте, смогу удержать вульгарного злодея от проникновения в мою квартиру. На это нужны были средства, но мой баланс в банке нуждался в очередной инвестиции от Раффлса. Несмотря на это, он исчез с лица земли, и гораздо успешнее меня.

Был август. Он ни разу не играл в крикет после июля и его место в «Мидлсекс» занял юнец-теоретик без должной практики. Напрасно я искал его на поле и в списках игроков, его не было даже там, где он обычно предпочитал завершать сезон. Крикетные матчи проводились регулярно, но нигде не оказалось упомянуто волшебное имя А. Дж. Раффлса. Ничего не было известно о его местонахождении и в Олбани. Он не оставил никаких инструкций о приходящих ему письмах ни там, ни в клубе. Я начал опасаться, что с ним случилось что-то плохое. Я просматривал сводки об арестованных преступниках, вглядываясь в лица, изображенные в воскресных газетах. Каждый раз я с трепетом искал там Раффлса, но не находил. В газетах не появлялось ничего интересного, что могло бы пролить свет на то, чем занимался Раффлс. Я не буду отрицать, что о своем благополучии я беспокоился

чуть больше. Но для меня было двойным облегчением, когда Раффлс подал первый характерный признак жизни.

Я наведаясь в Олбани в пятидесятый раз и уже возвращаясь по Пикадилли, преисполненный отчаянием, когда какой-то разгильдяй подошел ко мне и поинтересовался: верно ли, что меня зовут Банни?

– Тогда это вам, – передал он мне смятую записку, услышав утвердительный ответ.

Письмо от Раффлса. Я разгладил клочок бумаги и прочитал пару строк, наспех нацарапанных карандашом:

«Встретимся у Холланд Уолк. Приходи, как стемнеет. Жди меня там, пока не приду. А. Дж. Р.»

И это все! После всех этих недель он написал лишь несколько слов, не свойственным ему неразборчивым почерком, явно в спешке! Но это так похоже на него! Я больше не беспокоился о таких мелочах, но не любил его манеру скрывать все до последнего, и от этого меня захлестнуло негодование. Я поднял глаза от таинственного послания и удивился, увидев, что не менее таинственный посланник исчез – в манере, которая как нельзя лучше подходила всему делу. Этот посланник, однако, оказался первым, которого я увидел под деревьями у Холланд Уолк в тот вечер.

– Видел его? – заговорщически спросил он, выдувая едкое облако из своей ужасной трубки.

– Нет, еще нет, и я хочу знать, где вы его видели, – ответил я строго. – Почему вы убежали, как только вручили мне его

записку?

– Приказ, приказ, – был его ответ. – Я не такой человек, чтобы идти против приказов, это ничем хорошим не закончится, а я не дурак, я всегда держу язык за зубами.

– Кто вы такой? – ревниво спросил я. – И кем вы приходите мистеру Раффлсу?

– Тише ты, Банни, не говори всему Кенсингтону, что я в городе! – ответил оборванец, превращаясь у меня на глазах в Раффлса. – Вот, возьми мою руку... я не такой дикий, как выгляжу. Я не в городе, не в Англии, и вообще меня нет на Земле, это должно быть известно всем, кроме тебя.

– Тогда где ты, – спросил я, – между нами?

– Я нашел дом на праздники, где я отдыхаю. Можно сказать, что я в санатории. Почему? О, по многим причинам, мой дорогой Банни, среди прочего у меня давно есть желание отпустить бороду. Под следующим фонарным столбом ты и сам согласишься, что у меня это получается, и весьма неплохо. Ты не знаешь этого, но в Скотланд-Ярде есть один довольно проницательный человек, он наблюдает за мной дольше, чем мне бы того хотелось бы. Я видел его сегодня утром у Олбани. Именно тогда-то я и увидел тебя и написал пару строк. Если бы он заметил, что мы разговариваем, он бы сразу понял, кто я.

– Значит, ты скрываешься здесь!

– Я предпочитаю говорить «отдыхаю», – ответил Раффлс, – и это правда, я не делаю ничего больше. У меня есть

меблированный дом, в то время как никто другой не мечтал бы арендовать подобный дом в городе, и мои соседи не знают, что я в нем живу, хотя нужно сказать, что вряд ли кто-то из них дома. У меня нет слуг, и я делаю все сам. Я словно развлекаюсь на необитаемом острове. Не то чтобы я много работал, потому что я действительно отдыхал, большую часть времени читал и прочитал столько книг, сколько и за несколько лет не осилил. Забавно то, Банни, что человек, в чьем доме я живу, является одним из надзирателей в тюрьме Ее Величества, а его кабинет – просто музей криминолога. Было довольно забавно смотреть его глазами на себя.

– Но, конечно же, ты делаешь какие-то физические упражнения? – спросил я, потому что он вел меня на высокой скорости по дорожкам, усеянным опавшей листвой, по Кэмпден-Хилл, и его шаги были легкими и быстрыми.

– Лучшие упражнения, которые я когда-либо делал в своей жизни, – сказал Раффлс, – и ты никогда не догадаешься какие. Это одна из причин, почему я сменил свой наряд на этот потрепанный костюм. Я следую за кэбами. Да, Банни, я выхожу из дома в сумерки и бегу за ними с Юстона или Кингс-Кросс. Конечно, я предварительно оцениваю мой кэб и часто преодолеваю расстояния в три или четыре мили всего за шиллинг или меньше. И это не только держит в тонусе мышцы ног; если ты понравился пассажиру, то он позволит тебе донести его багаж вверх по лестнице. Я побывал внутри многочисленных просторных апартаментов, и заметки, кото-

рые я там сделал, наверняка пригодятся нам осенью. С новыми домами в Роутон, Банни, моей приобретенной бородой и хорошо проведенным отпуском, я надеюсь, что у нас выдаться прибыльный осенний сезон, прежде чем сумасбродный Раффлс вновь появится в городе.

Я почувствовал, что настало время поделиться с ним своим намного более плачевным положением дел. Но мне не понадобилось перечислять и половину своих проблем. Раффлс мог быть излишне самоуверенным, как многие менее приятные люди общества, но мне совсем не претила эта черта его характера. Совсем наоборот, недостатки показывали, что он тоже несовершенен. Его эгоизм также был непостоянен, он был скорее плащом, который Раффлс мог отбросить быстрее, чем любой другой человек, – как и сейчас, после того, что я ему поведал.

– Банни, ты сообщил мне об этом как нельзя кстати! – воскликнул он. – Ты должен пойти со мной, и мы оба ляжем на дно. Только помни о том, что я сказал тебе: мы на отдыхе. Я хочу сохранить абсолютную тишину, как если бы я жил там один. Что скажешь, Банни, если мы дадим обет молчания? Ты согласен? Хорошо, тогда вот улица и вот дом.

Это была тихая маленькая улица, которая располагалась на небольшом живописном холме. Одна сторона холма была монополизирована садовой стеной уродливого, но на зависть огромного особняка, стоящего на собственном участке земли. Напротив него располагались небольшие, но высокие

дома, по всей улице горели лишь несколько огней в окнах, на улице – ни одной живой души. Раффлс держал курс к одному из маленьких, но высоких домов. Он располагался сразу за фонарным столбом, и я не мог не обратить внимания, что по фасаду тянется виргинская лиана почти до самых ступенек, и что окно на первом этаже расположено довольно близко к земле. Раффлс открыл входную дверь своим ключом, и мы вошли в узкий коридор. Я не слышал, как он закрыл дверь, но нас больше не освещал свет фонарей, и он легко обошел меня.

– Я сейчас зажгу нам свет, – пробормотал он и ушел, но когда я попытался пропустить его, то случайно нажал спиной на один из электрических выключателей. В одно мгновение коридор и лестница оказались залиты светом, а в следующее Раффлс повернулся и бросился в мою сторону, и в одну секунду снова стало темно. Он не сказал ни слова, но в темноте я мог различить его дыхание.

Ему не нужно было ничего говорить. Простая электрическая вспышка света сказала мне многое: она осветила хаос вокруг и непокрытую ковром лестницу, а эмоции на лице Раффлса, когда он прыгнул, чтобы нажать на выключатель, говорили сами за себя.

– Так вот как ты въехал в дом, – проговорил я, подражая его манере говорить. – «Нашел», да уж, «нашел», как же!

– Ты думал, что я снял его через агентство? – прорычал он. – Честно, Банни, я был уверен, что ты понял шутку.

– Почему бы тебе не найти дом, – спросил я, – и не заплатить за него?

– И зачем мне это делать, – возразил он, – в трех милях от Олбани? Кроме того, мне не было бы никакого покоя, и я правдиво описал свой отдых.

– Ты на самом деле остаешься в доме, который решил ограбить?

– Не грабить, Банни! Я ничего не украл отсюда. Но в остальном ты прав: я остаюсь здесь ради отдыха, о котором может мечтать любой занятой человек.

– Мне здесь не будет отдыха!

Раффлс засмеялся, зажигая спичку. Я последовал за ним в комнату, которая должна была быть ничем непримечательной гостиной, но надзиратель переделал ее в свой кабинет, расположив повсюду книжные шкафы, и тогда я понял, о каких книгах говорил Раффлс.

Я не смог проинспектировать много. Раффлс зажег свечу и поставил ее внутрь своей шляпы, дождавшись пары восковых капель, чтобы прилепить ее. Таким образом, свет падал овалом на потолок, оставляя почти всю остальную часть комнаты в темноте.

– Извини, Банни! – сказал Раффлс, садясь на письменный стол, сукно с которого было убрано, попутно расположив там же самодельный фонарь. – Средь бела дня, когда свет нельзя увидеть снаружи, у тебя будет столько искусственного света, сколько пожелаешь. Если ты планируешь писать, то ре-

комендую стол у камина. Тебя никто не прервет здесь. Но, к сожалению, никакого ночного света или электричества! Ты можешь видеть, что их последняя задача заключалась в том, чтобы закрепить эти ставни. Они, похоже, сняли со стола обивку, чтобы добраться туда, не наступая на сукно, но эти дурацкие ставни не закрываются до конца, и полоса, которую они оставляют, позволит жителям соседних домов увидеть нас, если мы зажжем свет после наступления темноты. И не дотрагивайся до телефона! Если ты коснешься его, работники телефонной станции сразу узнают, что дом не пустует, и я бы не надеялся на то, что полковник не сообщил им, сколько его здесь не будет. Он довольно педантичен. Посмотри хотя бы на полоски бумаги, которые он разложил, чтобы его бесценные книги не запылились!

– Он полковник? – спросил я, понимая, о ком говорит Раффлс.

– Из саперов, – ответил он, – и первый заместитель командующего в придачу, черт бы его побрал! После сражения у Роркс-Дрифт стал главным надзирателем или даже начальником тюрьмы с тех пор. Как думаешь, какое у него любимое хобби? Стрельба из револьвера! Ты можешь прочитать все о нем в его записях. Характер у него тот еще, Банни, особенно когда он дома!

– А где он? – спросил я с беспокойством. – Ты уверен, что он не направляется домой прямо сейчас?

– В Швейцарии, – ответил Раффлс, посмеиваясь. – У него

есть полезная привычка все записывать, что позволяет планировать наши дальнейшие действия. Никто никогда еще не возвращался из Швейцарии в начале сентября, ты же знаешь: сперва возвращаются слуги, затем уже хозяева. Когда они появятся, то не смогут войти. Я держу защелку закрытой, но слуги будут думать, что ее просто заело, и пока они пойдут за слесарем, мы спокойно выйдем, как джентльмены... если к тому времени еще будем здесь.

– Полагаю, ты вошел сюда через парадную дверь?

Раффлс покачал головой в тусклом свете, к которому мои глаза уже привыкли.

– Нет, Банни, к сожалению, я влез сюда через мансардное окно. В тот момент в соседнем доме маляры наносили свежую краску. Мне никогда не нравилось пользоваться лестницей, но подъем занимает меньше времени, чем подбор замка на глазах у всей улицы при свете фонаря.

– Значит, когда ты пробрался сюда, ты нашел здесь ключ и все остальное!

– Нет, Банни, я сделал его сам, своими руками, как и все остальное. Я играю в «Робинзона Крузо», а не в «Швейцарскую семью Робинсонов». И теперь, мой дорогой Пятница, если ты любезно снимешь обувь, мы сможем изучить остров, прежде чем наступит ночь.

Лестницы были очень крутыми и узкими и издавали оглушительный скрип под ногами Раффлса, когда он поднимался вверх с нашей единственной свечой в шляпе полковника.

Он погасил фитиль, когда мы достигли середины лестницы: в том месте окна выходили на улицу и в них были видны соседние дома, но вновь зажег его, когда мы прошли чуть дальше. Я лишь молча шел за ним, рассматривая белую мебель и ряды акварелей в золотых рамах. Прежде чем мы оказались на втором этаже, мы достигли красиво обставленной ванной комнаты.

– Я приму ванну сегодня, – сказал я, рассматривая роскошь, которая была несвойственна моей скудной квартире.

– Ты не сделаешь этого, – огрызнулся Раффлс. – Не забывай, что наш остров населен враждебными племенами. Ты легко сможешь наполнить ванну без звука, но когда будешь сливать воду, тебя услышат соседи. Нет, Банни, я вычерпываю каждую каплю и выливаю ее в раковину, поэтому, прежде чем поворачивать кран, пожалуйста, посоветуйся со мной. Вот твоя комната. Подержи свечу, пока я закрываю шторы. Эта комната – что-то вроде гардеробной для полковника. Теперь можешь занести свечу внутрь. Как тебе гардероб? Ты только взгляни на эти ряды пальто. Старый мерзвец – настоящий щеголь, не находишь? Обрати внимание на обувную полку и на эту небольшую латунную вешалку для его галстуков! Разве я не говорил тебе, что он педантичен? Ты только представь его лицо, если он поймает нас в своей одежде!

– Будем надеяться, что его хватит удар, когда он нас увидит, – сказал я, невольно содрогаясь.

– Мы не должны на это надеяться, – ответил Раффлс. – Да и мы с тобой слишком худощавы для его одежды, он довольно высок и широк в плечах. Следуй за мной, Банни, в спальню хозяев. Ты же не считаешь меня эгоистом, если я продолжу занимать ее? Посмотри на это, старина, только посмотри сюда! Я только ее использую во всем доме.

Я последовал за ним в хорошо обставленную комнату с большими занавешенными окнами, и он включил подвесную лампу у изголовья кровати. Зеленоватый свет осветил тумбочку, на которой располагались стопки разнообразных книг. Я заметил несколько томов «Вторжения в Крым».

– Вот где я отдыхаю телом и тренирую мозг, – сказал Раффлс. – Я давно хотел прочитать все работы Кинглэйка от А до Я и успеваю осилить один том за ночь. Вот у кого тебе нужно учиться стилю, Банни! Мне нравится у него продуманность и внимание к деталям. Легко понять, чем привлекли его работы нашего организованного полковника. Ты спрашивал его имя? Крачли, Банни, полковник Крачли Р. И., заместитель командующего.

– Ему пригодится вся его отвага, когда он сюда вернется! – сказал я, чувствуя себя намного храбрее после осмотра дома.

– Не кричи так, когда ты на лестнице, – прошептал Раффлс. – Между нами и улицей всего одна дверь и...

Раффлс замер передо мной, и на то была причина! Оглушительный стук повторился дважды в пустом доме. И вдобавок к ужасу момента Раффлс мгновенно задул свечу. Я слы-

шал только биение своего сердца. Никто из нас не дышал. Мы почти добрались до середины лестницы и мгновение стояли тихо, словно мыши, затем Раффлс тяжело вздохнул, и я отчетливо услышал, как кто-то закрыл калитку.

– Всего лишь почтальон, Банни! Он приходит и уходит время от времени, хотя полковник наверняка сказал о своем отъезде в почтовом отделении. Надеюсь, что когда он вернется, задаст им жару. Признаюсь, я даже вздрогнул.

– Лишь вздрогнул! – я ахнул. – Я должен выпить, даже если это будет последнее, что я сделаю в этой жизни.

– Мой дорогой Банни, алкоголь не входит в мой отдых.

– Тогда прощай, я не вынесу таких потрясений! Да ты только потрогай мой лоб, послушай мое сердце! Крузо за все время нашел только след, но он никогда не слышал двойного стука в свою дверь!

– Лучше жить в постоянной тревоге, – процитировал Раффлс, – чем жить в этом кошмарном месте. Должен признаться, мы получаем и то и другое, Банни. У нас здесь только чай.

– И где ты его кипятишь? Не боишься, что увидят дым?

– В столовой есть газовая плита.

– Но, ради всех богов, Раффлс, – воскликнул я, – должен же быть в этом доме винный погреб!

– Мой дорогой Банни, – сказал Раффлс, – я уже говорил тебе, что я здесь не ради профессионального интереса. Я пришел сюда ради отдыха. Жильцы не потеряют ни пенни, разве что за израсходованную воду и свет, но я решил оста-

вить достаточно денег, чтобы восполнить и эти расходы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.